

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1791

(1591)

Татьяна Матасова

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историк, стремящийся воссоздать образы выдающихся женщин эпохи Средневековья, оказывается в непростом положении. История этого времени — в большой степени история мужчин. И дело вовсе не в том, что жены, сестры и матери в ту пору были полностью в тени своих мужей, братьев и сыновей. Известно, что женщины Древней Руси испокон веков обладали значительными имущественными правами и юридически не были полностью зависимы от своих близких¹. Проблема в том, что долгое время женщины едва ли играли существенную роль в жизни государства *сами по себе*. Подчас кажется, что они поэтому и не действовали. По представлениям той поры, зазорным почиталось «всякое обстоятельство, где женская личность приобретала какой-либо общественный смысл»².

Впрочем, к гендерной истории вообще стоит относиться с осторожностью. По мнению известного французского медиевиста Жоржа Дюби и его коллеги Мишеля Перро, сама «идея о том, что женщины как таковые являются объектом истории, должна быть отвергнута с твердостью»³. Другое дело — попробовать рассмотреть условия, в которых находились женщины, изучить их «действия, слова и молчание»⁴, попытаться воссоздать картину эпохи через женские образы.

Одной из самых ярких женщин в истории средневековой Руси была Софья Палеолог — вторая жена великого князя Московского Ивана III (1462–1505). Ее имя окутано легендами и домыслами. Чего только не приписывали влиянию Софьи при московском дворе! Будто бы она посове-

товала Ивану III покончить с унижительной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи при дворе, пригласить лучших мастеров для перестройки Московского Кремля! И будто бы это она отравила наследника престола — князя Ивана Молодого, сына Ивана III от его первой жены Марии Тверской!..

Но историку при работе с легендами стоит быть начеку. Сомнения в значительной и даже определяющей роли Софьи в жизни нашей страны высказал еще на рубеже XIX—XX веков знаток российских древностей В. И. Савва. Он подчеркивал, что Иван III «был выдающимся политиком, что его крупные политические дела не представляются следствием только влияния на него Софьи; поэтому следует осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близких к ним по времени свидетельствам, широко, но не всегда определенно рисуящих сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты»⁵.

Но оставим пока дискуссии о роли Софьи в истории России. Ее биография интересна и по другим причинам. Образ Софьи Палеолог принадлежит истории трех миров — русского, греческого и итальянского. Софья была племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога, героя обороны Константинополя 29 мая 1453 года. В тот день город был взят турецким султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем»). Младший брат Константина XI и отец Софьи — Фома Палеолог — управлял землями Северо-Западного Пелопоннеса (Мореи). После захвата турками этой византийской провинции в 1460 году Фома бежал с семьей на остров Корфу, принадлежавший тогда венецианцам. Затем он, а позже и выжившие члены его семьи отправились в Рим. В Вечном городе родилась идея выдать Софью замуж за великого князя Московского.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог сыграл свою роль в упрочении связей Русского государства с Европой и особенно с государствами Апеннинского полуострова. «Итальянская жена» Ивана III твердо занимает свое место в ряду «итальянских жен» других европейских правителей той эпохи. Так, супругой польского короля Сигизмунда I (1467—1548) была миланская герцогиня Бона Сфорца, будущий император Священной Римской империи Максимилиан (1459—1519) был женат на Бьянке Марии Сфорца, а

французский король Генрих II Валуа (1519–1559) — на знаменитой Екатерине Медичи.

При перемещении из греко-итальянского мира в мир русский героиня этой книги невольно сменила имя. По-гречески ее звали, по-видимому, *Зоя* — Ζωή, что в переводе с греческого означает «жизнь». Этим именем называли ее и в Италии⁶. *Софией* (от греч. Σοφία — мудрость) ее именуют только русские источники. И лишь однажды на страницах одной из летописей она названа экзотичным для Московского государства именем Зинаида⁷.

О тайне имени А. Ф. Лосев заметил: «...имя есть жизнь... только в слове мы общаемся с людьми и природой... только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления»⁸. Чуть раньше об именах писал отец Павел Флоренский. Широко известно его высказывание о том, что «имя — это тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»⁹.

По наблюдениям П. Флоренского, «этимологически σοφία отнюдь не есть *мудрость* в современном смысле слова, как преисполненность чистым созерцанием и теоретическим ведением. Если бы задаться передачей слова σοφία на наш современный язык, то наиболее правильно было бы сказать “художество” в смысле зиждительной способности, воплощение идеального замысла в конкретном мире...». Мыслитель отмечал, что «София сознает себя несущей миссию... София *властна* и полагает, что власть по природе, по складу ее личности должна принадлежать ей. София берет власть как свое и делает это с незапятнанной совестью, потому что рука ее никогда не дрогнет от сомнения, правильно ли это... Это самоощущение Софией себя как власти настолько живо и ярко в ней, что всякое неприятие ее власти окружающими вызывает внутренний протест... София распорядительна, устроительна, обладает умением жить и организовывать жизнь, в это упорядочение жизни она вносит и искусство, и науку, которыми занята и к которым способна... Софии присуща твердость в смысле “ангельская крепость”... она “Царь-Девница”...»¹⁰.

Удивительное дело: П. Флоренский в этом рассуждении словно наметил главные вехи классических представлений о Софье Палеолог. Между тем ученый писал вовсе не о ней, размышляя лишь об имени как таковом, об имени как «словесном организме», в котором весьма сложным образом сконцентрирован «опыт веков»¹¹.

В России XV—XVII столетий имя *София* обычно писалось и звучало как *Софья*. Такая тенденция заметна и в более позднее время: вспомним Софью из «Горя от ума» или супругу Л. Н. Толстого Софью Андреевну. На страницах этой книги во избежание путаницы мы будем всегда называть главную героиню *Софьей*, поскольку именно такое произношение и написание более всего характерны для современного русского языка.

* * *

Загадочный силуэт Софьи Палеолог издавна притягивал ценителей старины. Ее образу уделяли внимание Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Ф. И. Успенский и другие выдающиеся историки. Но круг русских источников, содержащих сведения о ее жизни, все же довольно ограничен. Итальянские архивы XV столетия сохранились лучше российских. В конце XIX века католический священник из Петербурга Павел Пирлинг в поисках документов, свидетельствующих о судьбе Софьи и о сношениях Москвы с римскими папами, провел немало времени в хранилищах рукописей многих городов и монастырей Италии. Под сумрачными сводами готических соборов, среди строгой роскоши ренессансных библиотек и мрачноватой помпезности барочных дворцов он нашел множество источников, проливших свет на сюжеты, связанные с судьбой Софьи. Его перу принадлежит обстоятельная работа, повествующая о браке «византийской принцессы» с московским правителем¹². Это было первое и долгое время единственное крупное исследование о Софье Палеолог.

С той поры, когда П. Пирлинг путешествовал по Италии, прошло много лет. Сегодня в распоряжении ученых куда больше сведений о России и итальянских государствах XV века. Тысячи страниц написаны и о Московской Руси, и об итальянских гуманистах, и о греках, бежавших от турок в Европу. Ряд письменных источников и памятников материальной культуры, не известных ни П. Пирлингу, ни его русским современникам, дал возможность по-новому взглянуть на различные сюжеты, связанные с Софьей.

В последние десятилетия образ великой княгини вновь оказался в центре внимания. С одной стороны, им интересовались маститые историки, скрупулезно проработавшие археологический материал¹³, с другой — дилетанты, в трудах которых немало погрешностей. Последнее обсто-

ительство и подтолкнуло к созданию развернутой научной биографии великой княгини.

В отличие от некоторых просвещенных женщин Запада XV—XVI веков Софья не оставила мемуаров. Единственная группа текстов, к созданию которых она могла иметь отношение, — это ее письма в Литву дочери Елене. Но они — за редким исключением! — носят официальный, а не личный характер. Почти полное отсутствие письменных источников личного происхождения, связанных с Софьей, не дает возможности постичь ее душевные переживания и разгадать мотивы многих ее поступков. Но все же можно попытаться воссоздать ее образ, обратившись к той исторической обстановке, в которой ей довелось жить.

Чтобы хоть немного понять Софью, стоит пристально взглянуть как в настроения ее близких, так и в масштабные перемены, происходившие во второй половине XV века в Старом Свете. Особого внимания в связи с этим заслуживают сюжеты из истории России и итальянских государств. В обоих регионах в той или иной степени чувствовалось влияние греческих эмигрантов, потерявших свою землю, но сохранивших воспоминания о ней. Охарактеризовать Софью и оценить степень участия великой княгини в истории Московской Руси невозможно без изучения ее окружения и тех явлений, к которым она была — или *не была* — причастна.

Людей XV века отличало стремление к персонификации окружающего мира: конкретные события нередко виделись им следствием воли определенных лиц, а не результатом длительных процессов. Отдельные герои прошлого могли восприниматься обществом как воплощения добродетелей или пороков. Подобные воззрения обусловили «символизм» образа Софьи, как он запечатлен в источниках, а также его неразрывную — и нередко мнимую — связь со многими явлениями эпохи. Где же грань между ее реальными действиями и всем тем, символом чего она стала? Как именно были связаны с ней главные проблемы и противоречия эпохи? Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой попытку ответа на эти вопросы.

* * *

Считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность всем, кто способствовал моему исследованию. В первую очередь речь идет о моем учителе —

Н. С. Борисове, который сподвиг меня на написание книги о Софье и оказал неоценимую помощь в работе над рукописью. Многими рекомендациями я обязана А. В. Лаушкину, А. А. Горскому, Б. Л. Фонкичу, О. Ф. Кудрявцеву, М. Б. Плюхановой, А. С. Усачеву, Л. В. Мошковой, С. В. Полехову, Ю. С. Белянкину, М. В. Грацианскому, Г. М. Воробьеву, Н. А. Зяблицыной, А. Е. Тарасову, Л. П. Горюшкиной, Т. А. Опариной, Е. А. Наумовой, Д. А. Петрову.

Эта книга не была бы написана и без постоянной поддержки со стороны моей большой семьи и особенно мужа. Свою работу посвящаю родителям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Не поминай лихом, а добром —
как хочешь.*

Русская поговорка

Собрав воедино и попытавшись осмыслить давно известные и недавно открытые факты о Софье Палеолог, автор вынужден подвести читателя к малоутешительному выводу. Мы знаем о Софье куда меньше, чем хотелось бы. Но даже то, что удалось реконструировать, дает богатый материал для размышлений.

Жизнь Софьи была во многом уникальной. Во-первых, сведений о ней гораздо больше, чем о других великих княгинях. Ее образ как магнит притягивал современников и ближайших потомков. Кроме того, Софья посетила гораздо больше стран, чем ее русские современницы. Даже покинувшие родину и долгие годы скитавшиеся по Европе греки и их жены не могли бы похвастаться перемещением между тремя разными мирами — византийским, европейским и русским. Почти все европейские и русские женщины того времени и вовсе никогда не выезжали за пределы своих городов и деревень. Однако путешественницей Софью не назовешь. Каждый раз она отправлялась в дорогу вынужденно. Не исключено, что она бы предпочла провести свою жизнь на Пелопоннесе или в Италии, став супругой какого-нибудь аристократа. Но Софья почти никогда ничего не выбирала.

Судьба Софьи — пример того, как стечение обстоятельств может необычайно возвысить в общем обычного человека. Ее жизнь — ответ на вопрос о том, что может стать с девушкой, если она рождена в семье, хоть как-то связанной с императорским домом. Цепочка событий — как давно ожидаемых, так и малопредсказуемых — привела вторую

дочь провинциального правителя, не имевшую поначалу никаких шансов на «хорошую карьеру», на вершину социальной пирамиды.

«Феномен Софьи Палеолог» имеет свое объяснение. Софья стала символом надежды для тех греков, которые усвоили идеи кардинала Виссариона. Несмотря на свое личное неучастие до конца 1490-х годов в «большой политике», она невольно влияла на ход событий уже одним фактом своего существования. Люди XV–XVI веков — и русские, и греки, и жители итальянских государств — воспринимали мир не в абстрактных категориях, а через конкретные образы и символы. И грекам, потерявшим родину, и русским — довольным или недовольным изменениями в Москве и в России в целом — нужен был образ, знак, олицетворение этих перемен. Они нашли его в Софье. Как и всякой «знаковой фигуре», ей приписывали многое, к чему она не имела никакого отношения. Не она определяла векторы внешней политики Русского государства, не ее советы сыграли решающую роль в перестройке Кремля, и не она первая в череде тех, кто стоял у истоков постепенного превращения Руси в наследницу Византии... И в то же время сам брак Ивана III с Софьей стал важной вехой в развитии сношений России с Западом. Наиболее харизматичные греки из окружения Софьи имели отношение к значимым явлениям в жизни России того периода.

Думается, и сама Софья не чувствовала себя в полной мере действующей личностью, *героиней*. Она едва отделяла себя от греческой группы при дворе Ивана III. Но великая княгиня, в целом счастливо прожив со своим супругом более тридцати лет, чувствовала свою неразрывную связь и с домом Рюриковичей. Софья осознавала свою причастность к этим двум столь разным мирам, которые ее окружали и влияли на ее поведение. Таким образом, она не была яркой индивидуальностью не столько в силу своей «серости» (хотя о степени ее образованности не стоит судить ни слишком низко, ни слишком высоко), сколько в силу неразвитости в целом индивидуалистического самосознания в то время, особенно в мире женщин.

Итальянские и греческие источники свидетельствуют о том, что на Западе Софья воспринималась не как самостоятельная фигура, а исключительно как дочь Фомы Палеолога, на семью которого кардинал Виссарион возлагал большие надежды. В России же образ морейского деспота и связанные с ним идеи были практически неизвестны.

Именно поэтому Софья предстает на страницах русских источников *одна*, как нечто уникальное и оттого непонятное. В Москве она воспринималась главным образом как странная и подозрительная представительница «другого», «чужого» мира.

И еще одно обстоятельство. Русские современники и ближайшие потомки не полюбили Софью в силу того общего ощущения, с которым ассоциировалась ее жизнь. Софья жила *в миру*, мирскими задачами и мирскими интересами. Тяжелое детство и тревожная юность вынудили ее искать путей любым способом «встроиться» в не слишком приветливый и постоянно меняющийся мир.

Никто не узнает, о чем молилась Софья у древних образов. Но известные факты дают основания думать, что она в глубине души жаждала лишь решения насущных житейских дел. Ее пылкое религиозное чувство было обусловлено скорее общими для людей той поры представлениями о мироздании, а не постоянным ощущением Божьего присутствия в своей жизни. Примечательно, что Софья не основала ни одного монастыря, а перед смертью не приняла монашеского пострига, хотя именно такой выбор делали на склоне лет наиболее благочестивые русские княгини. Неизвестны и какие-либо щедрые пожертвования Софьи в церкви и обители (за исключением шитых пелен), тогда как русским людям издавна была близка мысль о том, что «милостынею купится Царствие Божие»¹. Жизнь заботами мира не могла не подвергнуться осуждению со стороны русских книжников, для которых главным ориентиром всегда были не преходящие земные блага, а спасение души и жизнь вечная.

- 1474, 18 апреля — рождение дочери Елены.
1475, 28 мая — рождение дочери Феодосии.
1476, 19 апреля — рождение дочери Елены.
1479, 25 марта — рождение сына Василия, будущего Василия III.
1480, 23 марта — рождение сына Юрия.
Осень — бегство Софьи с детьми от ордынской рати на Бело-озеро.
1481, зима — возвращение Софьи «из бегов» в Москву.
6 октября — рождение сына Дмитрия.
1483, февраль — рождение дочери Евдокии.
Около 1483 — бракосочетание племянницы Софьи, Марии Андреевны, с князем Василием Верейским.
1484, 8 апреля — рождение дочери Елены.
1485, 13 февраля — рождение сына Ивана.
1487, 21 марта — рождение сына Семиона.
1488 или 1489 — рождение сына Бориса.
1490, зима — приезд в Москву Андрея Палеолога.
5 августа — рождение сына Андрея.
1494, 6 февраля — заочное обручение в Москве дочери Софьи и Ивана III, княжны Елены, с великим князем Литовским Александром.
1495, 13 января — проводы княжны Елены Ивановны в Литву.
1497, декабрь — опала на Софью и Василия.
1498, 4 февраля — венчание на царство Дмитрия-внука.
1499, январь — прекращение опалы на Софью, возвращение ее ко двору.
21 марта — провозглашение Василия III великим князем Новгорода и Пскова.
1502, 11 апреля — опала на Елену Волошанку и Дмитрия-внука.
1503, 17 апреля — смерть Софьи Палеолог.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1. Гибель Империи.</i>	11
<i>Глава 2. Все дороги ведут в Рим</i>	44
<i>Глава 3. Замуж за схизматика</i>	76
<i>Глава 4. Объятия Москвы</i>	107
<i>Глава 5. Византийцы в России</i>	153
<i>Глава 6. Время соборов</i>	199
<i>Глава 7. Интриги и обманы.</i>	235
Заключение	266
Примечания	269
Основные даты жизни Софьи Палеолог	299

Матасова Т. А.
М 33 Софья Палеолог / Татьяна Матасова. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 301[3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1591).

ISBN 978-5-235-03892-9

Вторая жена великого князя Московского Ивана III Васильевича гречанка Софья Палеолог (ум. 1503) принадлежит к числу наиболее ярких женщин в истории средневековой Руси. Ее образ окутан легендами и домыслами. Чего только не приписывали ее влиянию при московском дворе! Это будто бы она заставила своего супруга покончить с унижительной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи, пригласить в Москву лучших европейских мастеров для перестройки Кремля! И это будто бы она отравила наследника престола — князя Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака! Но действительность, как это всегда бывает, сильно отличается от легенд. Скорее, следует обратить внимание на другое. Биография Софьи принадлежит истории сразу трех разных миров — русского, греческого и итальянского (ибо именно в Риме нашла прибежище семья морейского деспота Фомы Палеолога и именно в Риме родился проект брачного союза «деспины» с московским великим князем). И ее брак с Иваном III важен прежде всего тем, что он способствовал упрочению связей Русского государства с Европой.

О причудливых поворотах в биографии Софьи Палеолог, об окружении «деспины» и роли прибывших с ней греков в истории Московского государства второй половины XV века и рассказывается в этой книге. Автор опирается на широкий круг источников, в том числе ранее не известных.

УДК 94(47)(092)“14”
ББК 63.3(2)43

знак информационной
продукции

16+

Матасова Татьяна Александровна
СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **А. В. Наумов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 18.01.2016. Подписано в печать 11.03.2016. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
15,96+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1604990.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03892-9